

Карета шла ровно.

Чжао Нань довольно прищурился — его уже клонило в сон.

Похвалу он принял без лишней скромности, хихикнул, затем наполовину навалился на Фу Цзюэчжи, подтянул колено и поднёс кувшин к его тонким холодным губам.

Керамика коснулась рта, сохраняя тёплый аромат, присущий Чжао Наню.

Фу Цзюэчжи проявил удивительное терпение. Ладонь легла на его поясницу и больше не двигалась.

Под рукой ощущалась тонкая талия.

Опустив ресницы, он позволил Чжао Наню медленно поднять кувшин выше. Подбородок запрокинулся, вино потекло из горлышка и смочило губы и язык.

Чжао Нань старательно поил его и от радости почти перестал видеть сквозь хмельную дымку.

— Вкусно? Вкусно?

Руки и ноги плохо слушались из-за алкоголя, а силу он вообще не рассчитывал.

Вина полилось слишком много.

Тёмно-красная жидкость стекла из уголка губ Фу Цзюэчжи, прошла по резкой линии подбородка, затем вдоль длинной шеи и исчезла под аккуратным воротом.

Чжао Нань застыл.

Чёрные глаза не отрывались от прекрасного лица Фу Цзюэчжи в свете огня. На мгновение он вообще забыл, что только что делал.

А потом встретился с тёмным взглядом князя и рефлекторно вздрогнул.

Предчувствие опасности заставило его резко отпрянуть.

Но рука на пояснице тут же крепко удержала.

Чжао Нань запаниковал. Поняв, что натворил, тихо пробормотал:

— Про...

Оставшееся «сти» было вдавлено обратно.

Палец Фу Цзюэчжи прижал нижнюю губу Чжао Наня. Взгляд стал густым и тёмным, будто чёрное болото.

Он наклонился ещё ближе. Кончик носа упёрся в мягкую щеку и слегка продавил её.

Голос охрип.

— Вытри.

Под пальцем губа становилась всё горячее.

Фу Цзюэчжи медленно потёр её, предельно сдержанно.

Он очень хорошо знал, чего хочет.

Одного «вытереть» было мало.

Лучше бы слизать.

Температура в карете росла. Подвески покачивались вместе с движением колёс и тихо звенели.

Чжао Нань от жары почти засыпал. Мысли окончательно заржавели.

Он поднял руку и пальцем вытер винную дорожку на белой шее перед собой. Ноготь легко прошёл по выступающему бугорку.

Кадык Фу Цзюэчжи двинулся.

В лице появилось довольство, будто человек после долгой засухи наконец встретил дождь.

Он медленно выдохнул, прикрыл глаза и тихо рассмеялся:

— Туаньтуань, неправильно.

— Неправильно?

Чжао Нань остановился и растерянно поднял лицо.

Фу Цзюэчжи смотрел на затуманенные глаза, затем вложил ему в ладонь белый платок.

После этого мгновенно вернул себе вид безупречного, сдержанного благородного человека и хрипло спросил:

— Какие у нас отношения?

Чжао Нань почти спал. Губы приоткрылись, но ответа не нашлось.

Он просто сдался и, удерживаемый за талию, лёг на широкую твёрдую грудь.

Фу Цзюэчжи понял.

Он прищурился и снисходительно улыбнулся:

— Туаньтуань пока не знает.

Раз не знает — значит, вытирать платком будет правильно.

Это была граница.

Это была сдержанность.

И это же было намеренное, рассчитанное заманивание, которым Фу Цзюэчжи шаг за шагом вёл его туда, куда хотел.

Руку Чжао Наня подняли обратно. Теперь ладонь через ткань платка снова вытирала шею.

Под ней тяжело и быстро бился пульс.

В лёгком сосновом аромате Чжао Нань закрыл глаза и наконец уснул.

Фу Цзюэчжи опустил взгляд и начал перебирать его пальцы. На коже осталась липкость засохшего вина.

Лицо вновь стало спокойным.

Но пальцы сами собой сжались сильнее.

Будто он плёл вокруг человека плотную сеть, безжалостно затягивая её и оставляя рядом с собой.

Без выбора.

Без пути назад.

Чжао Нань пока не понимал.

Но уйти уже не сможет.

Следующие два дня Чжао Нань постоянно вспоминал ту ночь.

Он не относился к людям, которые после пьянки ничего не помнят.

Наоборот — память оказалась пугающе ясной.

Особенно хорошо он помнил то, что натворил в карете.

Как его вообще угораздило рукой вытирать кадык Фу Цзюэчжи?

Кадык!

К счастью, его вовремя остановили. Фу Цзюэчжи с прекрасным характером даже дал ему платок и серьёзно объяснил: неправильно, так нельзя.

Чжао Нань:

— ...

Похоже, пьяным он действительно становился безумно смелым и терял чувство границ.

Он домогался Фу Цзюэчжи.

Он был виноват перед ним.

Лицо Чжао Наня вспыхнуло.

Он наконец написал последний иероглиф экзаменационной работы и с чувством стыда положил кисть.

Зато сегодня ответы шли удивительно гладко — хоть одна хорошая новость.

Он довольно поднял брови и неспешно вышел наружу, как раз застав Хо Чэнчуаня и Хэ Пэнъи у дверей за взаимными нелепыми похвалами.

— Брат Хо, как сегодня написал?

Хэ Пэнъи улыбался подозрительно широко.

— Наверняка великолепно?

Хо Чэнчуань несколько раз протянул «эй» и совершенно не стал скромничать:

— Необыкновенно. В тройку лидеров, может, и не войду, но четвёртое место академии сегодня моё.

Чжао Нань:

— ...

Так мало лет прожил, а стыд уже где-то потерял.

Оценивать было нечего. Чжао Нань раздвинул их и протиснулся между двумя телами.

— Брат Чжао! Брат Чжао!

Хэ Пэнъи заметил его и радостно подскочил.

— А ты как?

Чжао Нань остановился, загадочно улыбнулся и медленно показал три пальца.

Хэ Пэнъи ахнул.

Глаза загорелись восхищением:

— Тройка лучших?!

— С другой стороны считал.

Чжао Нань послушно улыбнулся, но честностью от Хо Чэнчуаня ушёл недалеко.

Предпоследнее третье место казалось ему настоящим прорывом. Он гордо поднял подбородок:

— На этой зелёной траве никогда не переводятся таланты. Не сомневайтесь в моём уровне.

— Силен не я. Сильны мои восемнадцать лет.

Хо Чэнчуань:

— ...

Хэ Пэнъи:

— ...

Троица продолжала дурачиться и в итоге кое-как добралась до ворот академии.

Карета княжеской резиденции уже ждала снаружи.

Стоило показаться Чжао Наню, Лоу Чжоу сразу подошёл навстречу.

Он помог ему подняться. Чжао Нань сначала высунул голову внутрь и поднял занавеску, но привычно сидевшего там человека не увидел.

Он удивился и повернулся к Лоу Чжоу:

— Князь не приехал?

Сегодня был экзамен, и после сдачи учеников отпустили ещё до полудня — намного раньше того времени, когда Фу Цзюэчжи обычно приезжал за ним.

Вопрос вырвался почти автоматически.

Лоу Чжоу поднял дверную занавеску и серьёзно объяснил:

— Сегодня празднество вдовствующей императрицы. Его Высочество с часа Чэнь находится во дворце Ваньшоу на церемонии. Освободиться не может, поэтому специально приказал этому подчинённому забрать вас.

Если княжеский супруг хотел знать — скрывать он не собирался.

Лоу Чжоу сразу продолжил и рассказал о том, что волновало Чжао Наня сильнее — о Чжан Куне.

— Несколько дней назад господин Чжан дал показания в Далисы. В тот же день хотел вернуться на хутор, но здоровье ещё не восстановилось, поэтому его удержали.

— Вчера снова попросился. Чэнь Пин получил поручение проводить его. Сейчас они уже на дороге к пригородам.

Чжао Нань замер, затем кивнул.

— Понятно.

Он не мог точно описать чувства.

Наверное, больше всего было облегчения. И благодарности.

Услышав, что все в порядке, он расслабился и глубоко выдохнул.

Чжао Нань откинулся на мягкую кушетку — и вдруг снова сел, поднял оконную занавеску и выглянул наружу.

Слуги резиденции принцессы всё ещё стояли у ворот и пока не трогались.

Дворец Ваньшоу только что закончили строить, и все князья и знать должны были присутствовать на банкете.

Хо Чэнчуань, как родственник императорского дома, тем более обязан был явиться по правилам сыновней почтительности.

Сейчас он хмурился и, наклонив голову, слушал доклад слуги о порядке рассадки и церемонии.

Лицо Чжао Наня оживилось.

Он тут же встал и сделал несколько шагов к выходу.

Пушистая голова высунулась наружу.

Он улыбнулся Лоу Чжоу:

— Господин Лоу, раз князя нет, я тогда поеду вместе с молодым господином Хо.

По виду Чжао Нань явно собирался сначала сделать, а потом сообщить.

Он уже рванул наружу, когда за спиной внезапно раздался тихий оклик.

Спокойный и тяжёлый.

— Туаньтуань. Сядь обратно.

<http://bllate.org/book/19943/1983947>